

Джордж Райт

Похититель

Вечер у миссис Тизл плавно и мягко катился по намеченному пути, словно безупречно-стильный "кадиллак" той прекрасной поры, когда машины были большими, а цены на бензин маленькими. Пока в окнах, выходящих на Атлантический океан, неторопливо догорал осенний флоридский закат, гости успели уже воздать должное кулинарному искусству хозяйки - миссис Тизл всегда готовила сама, и, надо сказать, комплименты, отпускаемые ей по этому поводу, ни в малейшей степени не были преувеличением - и теперь ожидали иного блюда, столь же традиционного, сколь и всякий раз неожиданного. Этим блюдом должна была стать занимательная и, безусловно, правдивая история в изложении одного из гостей. Средний возраст общества, собиравшегося у миссис Тизл, стремился к 60, а средний размер капитала - к тому же числу, но в миллионах долларов, так что гостям, как правило, было что вспомнить. Некоторые из этих историй, попади они в газеты, наделали бы большой скандал, другие, впрочем, привлекли бы не больше внимания, чем самые обыкновенные байки, какими обмениваются за барбекю соседи-фермеры - но, так или иначе, в доме миссис Тизл действовал принцип, позаимствованный у Лас-Вегаса: все, рассказанное за этим столом, за этим столом же и оставалось. Этот принцип никогда не нарушался, хотя, кажется, никогда и не озвучивался вслух.

Однако любые запасы со временем истощаются, поэтому гости с надеждой поглядывали на доктора Пэкстона, нового человека в их компании. Доктор Пэкстон, знаменитый нью-йоркский психиатр, лишь недавно оставил практику и перебрался во Флориду, приобретя дом в Бокэ Рэтон. Миссис Тизл первой в бокэ-рэтонском обществе удалось заполучить его к себе, чем она по праву гордилась. Однако доктор упорно игнорировал адресуемые ему взгляды и намеки - хотя, казалось бы, человек его профессии должен быть особенно чуток к подобного рода вещам - и хозяйке в итоге пришлось самой брать быка за рога.

- Скажите, Чарльз, - деликатно улыбаясь, произнесла она (она уже заручилась разрешением гостя называть его просто "Чарльз"), - а ведь вам, вероятно, доводилось сталкиваться с очень интересными случаями в вашей медицинской практике? Не могли бы вы поведать о каком-нибудь из них подробнее?

- Ну, медицина - это едва ли подходящая тема для застольного разговора, - вернул ей улыбку доктор. - Любая медицина, в том числе и моя область.

- О, доктор, - заметил со смехом мистер Гудвин, газетный магнат, - у нас очень крепкие нервы и желудки. Вы просто не представляете, какие истории уже звучали за этим столом.

- Две причины, - возразил Пэкстон. - Во-первых, случаи, интересные для профессионала, едва ли являются таковыми с точки зрения неспециалиста. Ну например, представьте себе, что на моем месте сидел бы египтолог. И вы попросили бы рассказать его что-нибудь самое интересное из его практики. А он, захлебываясь от восторга, принялся бы излагать вам, что какая-нибудь керамика, традиционно относимая ко времени Неферкары VII, на самом деле, как ему удалось доказать, относится к периоду правления Неферкары VI и прямо упоминает имя последнего! Слушатели испытали бы недоумение и разочарование, не так ли? Они никогда не слышали ни о Неферкаре VII, ни о Неферкаре VI. Они не знают - и, собственно, совершенно не обязаны знать - что о последнем науке не известно ровным счетом ничего, кроме однократно упомянутого имени, и обнаружение любого артефакта его эпохи является сенсацией - сенсацией для египтолога, разумеется. Они, то есть вы, дорогие леди и джентльмены, предпочли бы услышать от археолога историю о мумии, насилующей красавицу ассистентку, не так ли?

Присутствующие вежливо посмеялись.

- Так вы интересуетесь египтологией, доктор? - осведомилась миссис Хаклстон.

- Не то чтобы всерьез, читал кое-что любопытства ради... Или, скажем, хакеры, вообще

компьютерные специалисты. В кино их показывают или какими-то немислимыми маргиналами, или супергероями, сражающимися в виртуальной реальности в стиле компьютерных игр. А на самом деле - сидит обыкновенный парень, пялится в колонки кодов и цифр на экране... скучища! То же самое, в общем-то, в любой области, и в психиатрии в том числе. Для того, чтобы объяснить неспециалисту наиболее интересные аспекты моей работы, мне пришлось бы сначала прочитать лекцию, и возможно даже не одну, чтобы достичь понимания хотя бы на уровне терминов. Знаете ли вы, к примеру, что шизофрения - это вовсе не так называемое "раздвоение личности", которое на самом деле правильно называется диссоциативным расстройством идентичности и является совершенно отдельным заболеванием, код F44.8 в последней редакции МКБ - кстати, куда более редким, чем можно подумать, если судить по триллерам - в то время как шизофрения это F20, совсем другой раздел, да и вообще, сама правомерность термина "шизофрения" многими современными специалистами - признаюсь, и мной тоже - подвергается сомнению... Ну вот, вы уже скучаете?

- Н-нет, доктор, - ответила миссис Тизл, - но, по правде говоря, мой вопрос не о теоретических изысканиях, а о любопытных практических случаях... ну, вы же понимаете, не обязательно знать, как устроен мотор, чтобы смотреть автогонки?

- Боюсь, как устроен этот мотор, - Пэкстон коснулся виска, - толком все еще не знает никто на Земле, хотя, конечно, за последнее столетие мы неплохо продвинулись... Конечно, определенные примечательные случаи в моей практике были... хотя не знаю, насколько их можно сравнить по увлекательности с автогонками... впрочем, на мой взгляд NASCAR - скучнейшее зрелище (кое-кто из гостей понимающе улыбнулся) - но есть и вторая причина. Как вы понимаете, я не могу нарушать врачебную тайну.

- Ну, Чарльз, - хозяйка дома вновь расплылась в подкупающей улыбке, - никто же не спрашивает у вас фамилии. Даже такие невежественные люди, как мы, знаем, как это описывается в медицинских журналах: пациент Джон Т., пациентка Сара К. - хотя на самом деле их зовут по-другому.

- Боюсь, какое бы имя я ни придумал, вы все равно сможете догадаться, о ком идет речь.

- Наши догадки умрут вместе с нами! - пылко заверила миссис Тизл и тут же, опровергая себя, добавила: - То есть вы имеете в виду... - она многозначительно умолкла, еще более многозначительно скосив глаза.

- Нет, - ответил доктор довольно-таки резким тоном, - я никогда не консультировал президента. Ни нынешнего, ни предыдущего. И мне, по правде говоря, уже надоело опровергать этот вздорный слух. Тот эпизод, о котором я мог бы рассказать, совершенно из другой области... я вспомнил о нем потому, что он - в отличие от большинства реальных случаев - действительно, в некотором роде, перекликается с популярными киносюжетами...

- Ну не томите же, доктор! - воскликнула миссис Дейтон, самая молодая в компании (ей было всего 35, ровно на полвека меньше, чем ее оставшемуся дома супругу). - Меняйте какие вам угодно детали, но расскажите!

- Н-ну хорошо, - решил Пэкстон. - Признаюсь, мне и самому хочется поделиться этой историей... "вы хотите об этом поговорить", да-да... а это случай такого рода, что о нем не напишешь в медицинский журнал. В общем, несколько лет назад - не будем уточнять, сколько именно - ко мне записался на прием, ну, скажем так, один преуспевающий банкир. Назовем его, допустим, Ховардом Майлзом. Никогда прежде он ко мне не обращался, но, как говорится, все когда-то бывает в первый раз. В обстановке, так сказать, непрофессиональной мы тоже никогда прежде не встречались. И вот в назначенное время он вошел в мой кабинет. Полагаю, нет нужды объяснять присутствующим, как выглядит крупный бизнесмен. Он совсем не обязательно выглядит, как на рекламном плакате. Он может быть чертовски усталым. Или чертовски злым, особенно если перед этим вынужден был долго сдерживать копившееся раздражение. Наконец, если его дела идут по-настоящему плохо, он может впасть в самое черное отчаяние и депрессию,

которая, если ее вовремя не купировать, может закончиться пулей в голову. Так вот Майлз не соответствовал ни одному из этих вариантов. Он выглядел и держался совершенно не характерно для человека его положения. Неуверенно. Растерянно. Я бы даже сказал - заискивающе. Впрочем, как вы сами понимаете, для человека, обращающегося к врачу моего профиля, в этом нет ничего необычного. Как и в любом ином поведении, - улыбнулся Пэкстон и продолжал: - Я поднялся, приветствуя его, протянул руку и представился - хотя он, разумеется, должен был знать мое имя. Рукопожатие у него оказалось неожиданно крепкое, совсем не под стать его растерянному виду. У меня даже мелькнула мысль, что он хватается за мою руку, словно утопающий за руку спасателя. Своего имени он, однако, в ответ не назвал, лишь буркнул "очень приятно".

- Могу я попросить вас назвать ваше имя? - улыбнулся я.

- Ну... вы ведь его знаете? - пробормотал он, глядя все так же неуверенно.

- Ну, вы же понимаете, какой порядок в нашей медицине. Перед каждой процедурой у пациента, если он, конечно, в сознании, спрашивают имя и возраст. В большинстве случаев это пустая формальность, но лучше проверять. Чтобы, ну вы понимаете, не вырезать по ошибке почку электрику, зашедшему проверить проводку. Я, конечно, не хирург, но...

- Я должен вам сказать, что я Ховард Майлз, да? И мне, - он на миг запнулся, - пятьдесят четыре года?

Так, подумал я, а вслух спросил все с той же нашей неизменной докторской улыбкой:

- А что, на самом деле это не так?

- Все говорят мне, что я Майлз. Я вижу его лицо в зеркале. Я живу в его доме. У меня его документы. Но... - он понизил голос почти до шепота, - я не могу быть Майлзом! Я не помню ничего из его жизни, совсем ничего! Я понимаю, вы сочтете меня психом... черт, да ведь как раз поэтому я здесь...

- Никто не считает вас психом, - заверил его я. - Мы вообще не употребляем таких слов. К сожалению, относительно моей профессии до сих пор существует множество предубеждений. Люди думают, что если они расскажут о своих проблемах психиатру, то их тут же запрут в комнате с мягкими стенами до конца жизни - или, как минимум, отберут водительскую лицензию - и из-за этого, увы, часто упускают время, когда им можно помочь наилучшим образом. В то время как множество проблем такого рода на самом деле являются временными и обратимыми, особенно если начать лечение своевременно... Так что, прошу вас, садитесь поудобнее и расскажите мне все без утайки. Что вы вообще помните о своей прошлой жизни?

- Я помню... помню жизнь совсем другого человека. Его... меня... зовут Хектор Мур. Мне 42, и всю свою жизнь я прожил в Свит Хоум, Орегон, а в Нью-Йорке вообще не бывал ни разу в жизни. Но два месяца назад я проснулся в совершенно незнакомом месте. Такое со мной уже бывало, но это не по вашей части, док... это просто когда я слишком много выпью накануне. Но это место никогда не было таким роскошным. Это мог быть дом какой-нибудь местной шлюхи, или вовсе старый сарай, или какая-нибудь скамейка, иногда полицейский участок. Бывало, что я ночевал у парочки корешей. Но такой роскошной спальни в наших краях, наверно, вообще нет ни у кого. Я в тот момент еще туго соображал, думал только, как у меня сейчас затрещит башка с похмелья... накануне я и впрямь крепко набрался, это я вспомнил точно, хотя где и с кем пил - это уже без понятия... но похмелья не было, и тогда я стал разглядывать эту чертову спальню и спрашивать себя: "Хек, куда это тебя на хрен занесло? Кого ты вчера подцепил в баре - скучающую миллионершу? Сроду их в нашей дыре не водилось..." Но долго размышлять об этом мне было недосуг, потому что я почувствовал, что мочевой пузырь сейчас лопнет, и побежал искать ванную. А когда сделал свое дело - унитаза там тоже был весь навороченный, с какими-то кнопками, даже стыдно было в него это самое, ну, словно в вазу в музее какую-нибудь... в общем, повернулся я к раковине, а из зеркала на меня смотрит чужое лицо...

- Так вы говорите, это случилось с вами два месяца назад?

- Да уже, почитай, два с половиной почти.
- И все это время вы продолжаете ощущать, что на самом деле вы Хектор Мур?
- Нет, не все это время, док, - затряс головой он. - С самого рождения, говорю же вам.
- И почему, в таком случае, вы не обратились ко мне раньше? Вы ведь понимали, что ваше состояние, скажем так, необычно?

- Ну еще бы мне не понимать! Сказать по правде, сначала я перепугался просто до усрачки... Извините, дамы, - улыбнулся Пэкстон, выходя из образа, - но я специально передаю его речь, как есть, чтобы вы оценили естественность стиля. Так вот, он продолжал:

- Спервоначалу-то я подумал, что это белая горячка. Или еще какие-то глюки - может, думаю, я вчера что-то покруче дрянного виски употребил, хотя кто бы мне такое продал или подсовывать стал, денег на наркоту у меня отродясь не было, даже если б я и хотел... Ходил, щупал все вокруг, себя щипал - или не себя, а Майлза этого, но я не знал тогда еще, что это Майлз - больно, черт! И все оно не проходит и не проходит. Нет, думаю, не может это быть белочка, у Джека, кореша моего, была, ему все синие зайцы мерещились, за ноги его кусали - но все остальное-то при этом было как обычно! А тут вообще ничего общего ни с моей хибарой, ни с какой другой дырой в Свит Хоуме - мне б такое и специально не вообразить! Потом думаю - дай-ка опять спать лягу, а там, глядишь, проснусь, и снова все нормально окажется. А потом даже обидно стало - думаю, когда я еще, хоть даже и во сне, в таком шикарном доме окажусь, тем более чтобы таким все реальным казалось... надо попользоваться, посмотреть, что тут еще есть, кроме спальни и ванной... Кабинет там был, тоже, конечно, шикарный весь из себя, один стол такой, что на нем машину запарковать можно, и сейф там же в стену встроенный, но я его не сразу заметил. Я сначала к окну подошел, а там - господи-хренов-Исусе! Сроду я на такой высоте не был! Кругом, главное, небоскребы, а далеко внизу - словно кусок моего чертова Орегона, специально, как из торта, вырезанный. Да это ж, думаю, не иначе как Нью-Йорк, Центральный парк, я по телику видел... Потом я уже этот сейф заприметил, но открыть не смог, конечно, откуда мне код знать... а потом думаю - ну ты дурень, Хек, на кой тебе приснившиеся деньги? Ты давай ищи то, что прямо сейчас попользовать можешь, пока весь этот глюк не кончился! Ну, бильярдная там дальше была, потом комната с бассейном прямо в полу - не то чтобы очень большой бассейн, но я обалдел, как увидел, но купаться не полез, как-то не тянуло совсем, потом еще гостиная или не знаю что с телевизором, ну, в смысле, плазмой на всю стену... Вот в той комнате я бар заприметил, а нем пошла всякого, какого я сроду даже не видел, не то что не пробовал! Во, думаю, это как раз то, что надо. Интересно, можно ли во сне напиться? А может, как раз наоборот - если я выпью, у меня в мозгах-то и прояснится наконец? Ну и начал я там... вкус реальный, на сон совсем не похоже... поставил целью все там перепробовать, но все не осилил - отрубился прямо на диване... Разбудила меня музыка какая-то. Причем не то чтобы обычная музыка, какая играет себе, а такая навязчивая, все повторяется и повторяется. Да это ж, думаю, телефон звонит! Сполз с дивана - тут-то мне уже хреново было, не то что с утра, башка трещит, во рту сушняк - правильно добрые люди говорят, не надо смешивать... пошел этот чертов телефон искать, даже не чтоб ответить, а чтобы заткнуть трезвон этот проклятый. Только когда нашел, понял, что ни хрена это все не кончилось, и тело мое - по-прежнему не мое, решил таки ответить, может, сейчас мне, думаю, объяснят наконец, что творится... А там голосок такой бодренький: "Сэр, это Дженнифер!" О, думаю, и цыпочка нарисовалась. Может, это таки она меня сюда притащила? Но даже если она меня ночью пьяного на личном самолете в Нью-Йорк привезла, тело-то! Тело же не мое!!! "Какая, - говорю, - Дженнифер?" И впервые услышал, как мой голос звучит. Тоже не мой совсем! Пусть я и хрипло спросонья и похмелья, но что ж я, своего голоса не знаю! А она мне: "Ваш секретарь, сэр. Вы назначили заседание правления на два часа, сейчас уже 2:10. Передать членам правления, что вы задерживаетесь?" А я только мычу: "Какое правление? Какое заседание?" - "Заседание правления банка, сэр. С вами все в порядке? Ваш голос странно звучит." Ну еще бы, думаю, не странно, это вообще не мой голос! А

сам говорю - я, мол, приболел малость. А она: "Понятно, сэр. Перенести заседание на завтра?" - "Лучше на послезавтра. А еще лучше на следующую неделю." - "Хорошо, сэр. Я передам ваши извинения директорам." - "Дженнифер, - говорю, - погоди, не вешай трубку! Как меня зовут?!" А она так спокойно, словно ей такие вопросы по десять раз на дню задают: "Ховард Майлз, сэр." Вот так я впервые в жизни это имя услышал... Потом, значит, стою я, трубку в руке держу и думаю - а что, если кому-то из корешей позвонить? Да не, они же меня все равно по голосу не признают, решат, что прикалывается кто-то... А если, думаю, самому себе?! Ну, набрал свой орегонский номер. Никто, конечно, не берет трубку. Но все ж таки еще пара дней прошла, прежде чем я окончательно поверил, что само оно не кончится...

- Так почему же вы все-таки не обратились к врачу еще тогда? - спрашиваю.

- Ну, - он смутился, - к вам же просто так не попадешь, заранее записываться надо...

- Верно, но вы записались три недели назад. То есть, как я понимаю, прошло почти два месяца, прежде чем вы приняли решение обратиться за помощью - хотя, что "само не пройдет", поняли гораздо раньше. И, как я понимаю, жизнь в образе Хектора Мура должна была доставлять вам массу чисто практических проблем, не говоря уже, конечно, об осознании самого факта, что с вами что-то не так.

- Еще бы не массу! Мне ведь поначалу даже ходить неудобно было! Во мне-то на самом деле пять футов пять дюймов, и весу едва сто тридцать фунтов будет. А Майлз, сами видите, на восемь дюймов выше и чуть не вдвое тяжелее. Несколько раз башкой стучался, пока не привык... Ну и вообще, конечно... я ж не знаю ничего, что должен знать Майлз! И спросить некого так, чтоб идиотом не выглядеть. Хорошо хоть жены-детей у него нет, они бы меня сразу в психушку сдали... Ну а потом, по правде говоря, решил - не, такой шанс раз в жизни выпадает... точнее, вообще никогда не выпадает! Чтобы из такой дыры, как хренов Свит Хоум, перенестись в такую роскошную жизнь! Кредитки и чековую книжку я быстро нашел, а потом оказалось, что у меня и личный бухгалтер есть... Сколько, спрашиваю, у меня денег? А он мне: точную, мол, цифру назвать затруднительно в связи с волатильностью фондового рынка - во какое слово выучил, да! - но приблизительно один миллиард четыреста семьдесят миллионов с учетом всех ликвидных активов. Полтора гребаных миллиарда! И опять от них возвращаться в мою развалюху, на фудстэмпсы садиться, у корешей на выпивку кланчить? Одно меня только слегка смущало - когда я узнал, что Майлзу уже 54 года. Это получается, что я как бы за один миг 12 лет жизни потерял, ну, как бы не очень приятно. Но с другой стороны - что это была за жизнь? Если б мне предложили 12 лет горбатиться, чтоб в итоге полтора миллиарда заработать, нешто б я не согласился? А тут бац - и все готовое, и горбатиться не надо! Ну а потом, конечно... стал замечать, что все-таки не все так здорово. То есть с одной стороны я ж теперь банкир, типа. А что я в этом понимаю? Совещания эти, заседания... инвестиции-хренвестиции... Первую неделю я все отбрехивался, что, мол, болею, вы там как-нибудь без меня, пока меня в шикарном ресторане не застукали, как выяснилось, собственные партнеры, которые до меня, то есть до Майлза, всю неделю достучаться пытались. И там уже дальше так все на меня надели, то им не так, это не этак... Хедж-фонды какие-то, вторичный рынок перекредитования... Сингапурская биржа... А я чего? Ну подготовьте мне, говорю, ваши предложения, я просмотрю и решу... ну и подписываю, конечно, не глядя, что мне подсунут. И хорошо, если кто-то один подсовывает. А если их там несколько, и каждый свою идею выдает? Ну я решил, сегодня с этим соглашусь, завтра с тем, чтобы ну, типа, баланс какой-то был - если один налажает, другой исправит... А только ни хрена, говорят, дела банка все хуже идут, и по коротким позициям мы просели, и в следующий квартал войдем с убытками... Так ведь от этого и деваться некуда, и не расслабишься толком! Рестораны всякие - это, конечно, поначалу прикольно, но там же так расфуфырено все, что высморкаться и то боишься! И неизвестно, на кого еще там нарвешься... Да и блюда эти с непроизносимыми названиями - я сначала заказывал самые дорогие и несколько раз на такую дрянь напоролся! Сто баксов за порцию какой-нибудь заплесневелой или сырой гадости, какую

у нас разве что крысы на помойке жрут! Я говорю - что вы мне подали, тут же плесень!!! А они - нет-нет, все правильно, в ней-то мол, как раз, и самый смысл... Тьфу, короче. А в нормальную пивнушку с мужиками выпить как следует да шары покатать уже хрен зайдешь! Как же, солидный бизнесмен, репутация банка... Девку снять и то стремно. А ну как она потом с меня миллионы требовать начнет? Дженнифер эта, расторопная девчонка, ничего не скажу, без нее бы мне совсем кранты - но чисто в деловом плане. А в остальном - натуральный робот, даром что причесон и макияж по первому разряду. Я ей как-то подмигнуть пытался, так она так на меня посмотрела, ну, думаю, если я ее по заду шлепну - точно в тюрьму упечет! Ну а с третьей стороны мне, в общем, совестно стало. Думаю - это я тут так мучаюсь, а настоящему Майлзу-то какво? Ведь он же, должно быть, там, в моем теле, в Свит Хоуме! Из пентхауса своего - вот ведь, я раньше думал, это порножурнал, а это, оказывается, дом на небоскребе так называется - в этакую дырищу! И объяснить там никому ничего не может, ну, скажут, совсем допился Хек, в дурку пора. Так что ладно, думаю, погуляли и будет. Давайте, док, сделайте что-нибудь, чтобы нас обратно вернуть!

То есть вы понимаете, - продолжал Пэкстон, обращаясь к своим слушателям, - он не просил меня восстановить его личность Майлза, вернуть его подлинные воспоминания. Он на полном серьезе утверждал, что он действительно Мур, душа которого каким-то образом обменялась телами с Майлзом, и предлагал мне, как, по его словам, лучшему специалисту по душевным болезням, осуществить обратный обмен. Сам по себе такой сюжет, конечно, не нов, на эту тему сняли уже, наверное, с полдюжины комедий, но, глядя на Майлза, можно было понять, что ему не до смеха.

Диагноз в общих чертах был мне ясен сразу. Речь, несомненно, шла о диссоциативном расстройстве, но не о синдроме множественной личности, о котором я упоминал ранее. При синдроме множественной личности эти самые псевдо-личности активизируются попеременно, то есть мой пациент считал бы себя то Майлзом, то Муром. А это, как я предположил сразу и что подтвердили наши дальнейшие с ним встречи, было не так. Пациент упорно считал, что он Хектор Мур и с Майлзом абсолютно незнаком - в то время как обычно расщепленные личности осведомлены о существовании друг друга. Нет, в случае Майлза речь шла о так называемой фуге - в психиатрии этот термин имеет иное значение, чем в музыке. Диссоциативная фуга является обычно реакцией на стресс, когда человек, стремясь бежать от ставших для него невыносимыми обстоятельств - само слово "фуга", кстати, означает "бегство" - неосознанно придумывает себе новую личность и новую жизнь, забывая при этом прежние; переключение происходит внезапно, именно так, как описал Майлз. Фугу не следует путать с бредовыми расстройствами, например, с бредом величия, при котором больной воображает себя, к примеру, Наполеоном, хотя в наше время этот классический штамп встречается крайне редко. В отличие от бредовых расстройств, носящих хронический характер, фуга, как правило, проходит сама спустя несколько месяцев, причем это происходит столь же внезапно, как и ее начало, но пациент, наоборот, вспоминает свою первую жизнь и напрочь забывает вторую. Так что прогноз в случае диссоциативной фуги благоприятный. Часто фуга сопровождается также и физическим бегством - прочь от всего, что могло бы напомнить о прошлом. Нередко таких людей разыскивают, как жертв преступников, а они тем временем спокойно живут себе на новом месте, понятия не имея, кем были прежде, и ни они сами, ни люди, общающиеся с ними, не замечают никаких странностей. Майлзу, однако, что-то помешало отправиться в Орегон, что и вызвало понятный диссонанс. Я, кстати, проверил - этот городишко Свит Хоум действительно существует и, вопреки своему названию, является именно такой дырой, как описал Майлз. Когда-то это был город лесорубов, как, наверное, чуть ли не любое поселение в Орегоне, но в восьмидесятые там позакрывали лесопилки по причине принятия новых экологических стандартов, и начался упадок. Местные пытались развивать альтернативные виды бизнеса, сейчас там есть несколько фабрик, но и они не особо процветают. Двадцать процентов населения живет ниже черты бедности - один из худших показателей на

весь Орегон, высокая безработица, перспектив никаких. Единственная отрада и способ как-то подкормиться - периодически устраиваемые фестивали для туристов.

- И почему, интересно, преуспевающему банкиру захотелось превратиться в никчемного пьяницу из подобного места? - спросил мистер Карсон, сделавший состояние на торговле флоридской недвижимостью (кстати, дом доктору Пэкстону продал тоже он, точнее, его агентство).

- Такие вещи происходят подсознательно, а причина вполне очевидна. Не мне вам объяснять, с каким стрессом и ответственностью связана работа крупного бизнесмена, - улыбнулся доктор. - Тем более что банк Майлза, будучи одним из крупнейших в стране, в то же время действительно переживал не лучшие времена. Стремление сбросить с себя это бремя - все, целиком, без остатка... избавиться не просто от ответственности за банк, но от какой-либо ответственности вообще - и породило новую личность. Находящуюся на самом дне и потому могущую не бояться дальнейшего падения. Безработного пьяницу из депрессивной провинциальной дыры.

- Майлзу, должно быть, было неприятно осознать, что на самом деле он все-таки Майлз, и возвращаться к своим обязанностям, - сочувственно заметила миссис Хаклстон.

- Да, это обычное дело при фуге, - кивнул Пэкстон. - Но, как я уже сказал, обычно fuga проходит сама, и неизбежный при возвращении новый стресс не вызывает, тем не менее, рецидивов. Но с Майлзом все пошло не так. Он цеплялся за свою иллюзию с исключительным упорством, твердя, что он Хектор Мур. Держался этой версии даже под гипнозом, что, признаюсь, меня удивило - доселе я с таким не сталкивался. Рассказывал мне про этот Свит Хоум во всех подробностях, вплоть до вывесок, выбитых окон закрывшихся бизнесов и имен барменов...

- Откуда же он мог это знать? - перебила миссис Дейтон. - Он там бывал?

- Насколько мне удалось выяснить - нет, Майлз никогда не был в Орегоне, но, сами понимаете, гарантировать этого я не могу. Я беседовал с его бывшей женой, но со времени их развода прошло уже три года... Во всяком случае, деловых интересов у него там точно не было, и отпуск в таких местах он никогда не проводил, что вполне закономерно. Но это ничего не меняет. В наше время любую информацию, включая виды улиц, можно найти в интернете. Вполне возможно, что его первоначальное внимание к Свит Хоуму привлекло именно название... подсознательная тяга обрести "дом, милый дом" далеко-далеко, среди лесов и озер... ну а дальше, когда он выяснил, что этот "милый дом" на самом деле из себя представляет, его подсознание выстроило на удивление цельный и последовательный образ. Не знаю, насколько мне удалось передать манеру его речи в своем рассказе...

- Прекрасно удалось! - пылко заверила миссис Тизл. - У вас настоящий актерский талант, Чарльз. Если бы мы устраивали здесь любительские спектакли, пригласили бы вас на главную роль. Кстати, а это идея...

- Психиатр должен быть немного актером, чтобы уметь расположить к себе пациента, - кивнул доктор. - Но до Майлза мне все равно далеко. Если закрыть глаза и не видеть перед собой лица одного из наиболее солидных бизнесменов страны, было полнейшее впечатление, что слышишь типичного хиллбилли. В общем, он выстроил для себя совершенно непробиваемую защиту. Я пытался разрушить ее не только на подсознательном уровне через гипноз, но и на сознательном через рациональные аргументы - замечу, далеко не с любыми нашими пациентами они работают, чаще как раз нет, нежели да, но вот как раз в случае фуги убедить пациента, просто демонстрируя ему факты, вполне реально. Мы с ним вместе звонили в Свит Хоум по якобы его телефону и получали ответ автомата, что такого номера не существует. Звонили и в бары, завсегдаем которых он себя называл, и его так называемым корешам. Никто из этих людей никогда не слышал о человеке по имени Хектор Мур. Я, кстати, обратил его внимание на тот факт, что его вымышленные имя и фамилия начинаются с тех же букв, что и

настоящие. Я даже получил справку из муниципалитета, что дома по тому адресу, который Майлз назвал как свой, тоже не существует. На этом месте пустырь, недавно выкупленный какой-то пришедшей компанией, которая, кажется, собирается там что-то строить... Я спрашивал его, как он может это объяснить, и он говорил, что не знает, но продолжал стоять на том, что он - Мур. Порывался поехать в этот Свит Хоум и "посмотреть им всем в глаза", но я его отговорил. Наложение действительных впечатлений на ложную память не разрушило бы, а лишь укрепило бы иллюзию, автоматически откорректировав любые расхождения, а попытки добиться от завсегдатаев местных баров "признания" - попытки, исходящие от человека, которого они, разумеется, никогда прежде не видели - чего доброго, закончились бы потасовкой. В свою очередь, на рассказы из прошлой жизни Майлза, демонстрацию фотографий и прочих вещей он по-прежнему реагировал так, словно речь идет о совершенно незнакомом ему человеке... В общем, я провозился с ним несколько недель без всякого толка. И хотя он, разумеется, исправно платил за каждый визит, признаюсь, каждая новая встреча с ним уже вгоняла меня самого чуть ли не в депрессию. Да, врачи далеко не всегда одерживают победу, и в моей области это, увы, особенно верно - довольно часто приходится довольствоваться лишь перемирием, поддерживаемым лекарствами - но не в таком же простом случае, как диссоциативная фуга! Но, как говорили еще эскулапы древности, если больной объединится с врачом, они победят болезнь, но если больной объединится с болезнью, они победят врача. В общем, я мог лишь прописать ему отдых и полный покой вдаль и от Орегона, и от Нью-Йорка в надежде на то, что фуга все же пройдет сама. И он действительно собрался на отдых за границу... но уехать не успел. Его арестовали.

- Арестовали? За что? - широко распахнула глаза миссис Дейтон.

- За воровство и мошенничество в особо крупных размерах. Он, как выяснилось, очень неплохо обчистил собственный банк - но рано или поздно это неизбежно должно было вскрыться. В итоге по совокупности обвинений ему дали сто десять лет тюрьмы.

- Так вы говорите о... - начала миссис Тизл и тут же демонстративно закрыла себе рот ладошкой.

Разумеется, как и предупреждал доктор, не только она поняла, о ком шла речь. Осужденного звали совсем иначе, он руководил не банком, а инвестиционным фондом; Пэкстон изменил и кое-какие другие детали в своем рассказе - но скандал был слишком уж громким, чтобы не опознать его под этой косметической маскировкой.

- Никаких имен, - подтвердил доктор. - Впрочем... вы ведь уже поняли, что на самом деле никакой врачебной тайны в этом деле нет? Именно поэтому я вам о нем все-таки рассказал. Все то время, пока я ломал голову, как же помочь несчастному больному, я имел дело с ловким мошенником, который заранее выстраивал свое алиби. Зная, что разоблачение неминуемо, он готовил линию защиты, построенную на неувяемости. Дескать, он подписывал бумаги и отдавал распоряжения, не понимая, что делает. Причем обратите внимание, как тонко все было продумано - он даже учел особенности фуги. Он собирался внезапно "выздороветь" после ареста и тем самым "забыть" все, что он делал в качестве Мура. Вы, вероятно, знаете, что большую часть похищенных им денег так и не нашли? И все это я понял лишь после того, как он был арестован - и особенно после того, как ознакомился с материалами следствия. Признаюсь, это был самый чувствительный щелчок по носу - да что там щелчок, полноценная оплеуха! - какую я получил за всю мою профессиональную карьеру. В свое оправдание могу сказать лишь, что никогда в своей жизни не сталкивался со столь совершенной симуляцией.

- Но вы уверены, что это была все-таки симуляция? - спросила миссис Хадлстон.

- Абсолютно. Я же говорю, я ознакомился с материалами следствия - причем раньше, чем они стали доступны широкой публике. Меня попросили дать оценку именно потому, что я был врачом обвиняемого. И хотя финансы - это не моя сфера, я получил консультацию эксперта. Нет ни малейших сомнений, что одновременно со "случайными" и "хаотичными" распоряжениями,

отданными Майлзом в образе Мура для прикрытия, осуществлялась и совершенно другая деятельность по перекачке средств вкладчиков на некие транзитные счета, откуда они потом виртуозным образом испарились. Это делалось исключительно умно и грамотно. Если бы Майлз на самом деле воображал себя Муром, он, конечно, был бы на такое не способен.

- А как же гипноз? - вспомнил мистер Гудвин. - Почему он не выдал себя даже под гипнозом?

- Потому что он не был под гипнозом, - ответил доктор. - Это тоже было притворство. Не все люди гипнабельны, особенно если они противятся гипнозу сознательно. Не сомневаюсь - Майлз перечитал гору специальной литературы, прежде чем явиться ко мне. Симуляция, повторяю, была предельно убедительной.

- Но почему он не воспользовался всем этим? - спросил мистер Карсон. - Я не особенно внимательно следил за этим делом, но не помню, чтобы его адвокаты поднимали тему невменяемости или чтобы он сам именовал себя другим человеком.

- Именно потому, что я дал отрицательное заключение. Майлз мог бы, конечно, ходатайствовать о другой экспертизе, но, как я понимаю, адвокаты его отговорили, убедив, что более реальной стратегией будет полное раскаяние и сотрудничество со следствием. Как видно, он полностью им доверился, ибо нанял, естественно, самых дорогих адвокатов. Но если раскаяние он и изобразил, то из сотрудничества со следствием ничего не вышло. Он так и не выдал, куда и как вывел деньги. Очень глупо с его стороны. Теперь они ему уже вряд ли пригодятся. Но некоторые люди, даже будучи весьма умными и дальновидными, не могут остановиться в своей жадности и совершают из-за этого в высшей степени неразумные поступки. Это нам, психиатрам, тоже хорошо известно.

- А может быть, он облагодетельствовал таким образом кого-то еще, - предположила миссис Дейтон. - Может быть, все его миллиарды достались тайной молодой любовнице.

- Или его собственной жене, - заметил мистер Карсон. - Развод мог быть и фиктивным, именно для того, чтобы в случае краха вывести из-под удара ее и ее имущество. Если он действительно просчитал все это заранее, за три года до самой аферы - ибо слишком недавний развод, конечно, поставил бы миссис, гм, Майлз под подозрение - то мне остается лишь присоединиться к словам восхищения доктора в адрес нашего героя.

- Я не говорил, что восхищаюсь им, - возразил Пэкстон, - особенно учитывая, чем он все-таки кончил. Но он преподавал мне хороший урок насчет опасности профессионального снобизма, это да.

За окнами полностью стемнело. Вечер подошел к концу. Обменявшись традиционными прощальными комплиментами с хозяйкой, гости расходились к своим машинам. Доктор Пэкстон приехал позже других и потому припарковался дальше по улице.

- Доктор! - окликнул его я, когда он уже взялся за ручку дверцы.

- Да? - он обернулся, глядя на меня не без удивления, словно ожидал, что я прямо тут, на ночной улице, обращусь к нему за медицинской консультацией.

- У вас найдется еще несколько минут? Меня заинтересовал ваш рассказ, и хотелось бы кое-что обсудить.

- Вообще-то мне нечего добавить к рассказанному.

- Вы упомянули, что общались с женой Майлза. Полагаю, вы обсуждали с ней причину развода?

- Если и да, не думаю, что должен обсуждать ее с вами, сэр. Я рассказал о Майлзе, поскольку он был не настоящим пациентом, а мошенником. Но миссис Майлз - это другое дело, во всяком случае, никаких обвинений против нее не выдвинуто, и ее частная жизнь вас не касается.

- Конечно. Я просто предполагаю, что причиной, ну или одной из причин, могло быть некое хобби ее бывшего мужа. Хобби ничуть не противозаконное, во всяком случае в наше

время, но достаточно странное, чтобы не сказать - пугающее.

- Что вы имеете в виду? - нахмурился Пэкстон.

- Видите ли, в сферу моих деловых интересов входит торговля антиквариатом. Не дешевыми подсвечниками и граммофонами, какие можно купить в лавках для туристов - серьезным антиквариатом. Это довольно специфическая область, и щепетильность в отношении тайн клиентов в ней порою не меньше, чем в вашей сфере. Тем не менее, раз уж вы раскрыли вашу профессиональную тайну, то и я позволю себе сделать то же самое: человек, которого вы назвали Майлзом, был и моим клиентом. Его интересовали... довольно своеобразные предметы. Очень редкие и труднодоступные, но с его деньгами он мог себе это позволить.

- Не понимаю, к чему вы клоните и какое вообще все это имеет значение.

- Если говорить без обиняков, Майлза интересовала черная магия. И соответствующие книги и артефакты. Не многочисленные подделки из арсенала юных сатанистов. Подлинники.

- Вы хотите сказать, что верите в подобную чепуху? - усмехнулся доктор.

- Для меня это всего лишь бизнес, - улыбнулся я. - Я продаю такие вещи наряду с тысячелетним китайским фарфором и библиями Гутенберга. Но Майлз, судя по всему, верил.

- И что же? Вы ведь не имеете в виду, что ему и в самом деле удалось устроить... переселение душ? Или... вы предполагаете, что он мог в такое поверить? Провести некий ритуал и действительно уверовать, что теперь он Мур? Нет, как я уже сказал, это исключено. Он бы не смог в этом случае спрятать деньги.

- Ну а если мы рассмотрим - чисто теоретически, разумеется - гипотезу, что ритуал на самом деле сработал? Вы правильно употребили слово "бегство". Согласитесь, что такой способ бегства от правосудия куда более совершенен, нежели в психиатрическую лечебницу или даже за границу.

- Если не считать того, что он абсолютно невозможен, - фыркнул Пэкстон.

- Теоретически, чисто теоретически, доктор. Не вы ли говорили, что никто на Земле не знает до конца, что такое человеческий разум и на что он способен?

- Не говоря уже о том, - продолжал тот, - что никакого Хектора Мура никогда не существовало, и мы это выяснили.

- Откуда вы это знаете? Всего лишь потому, что вам так сказали по телефону? Но если Майлз не был жертвой некоего внезапного чуда, поменявшего его местами с Муром, если он организовал это чудо вполне целенаправленно - кто мешал ему замести следы сразу после того, как он оказался в Свит Хоуме? Обойти соседей и знакомых Мура - предположим, он установил их заранее, послать человека с соответствующим поручением можно было и без всякой магии - и сказать каждому примерно следующее: "Я тут влип в одну историю - сумел раздобыть малость денег, но теперь мне надо срочно сваливать из нашего богоспасаемого городишки. Если кто будет меня искать - ты меня не знаешь, вообще даже имени такого никогда в жизни не слышал, окей? Если проболтаешься, мне хана. А чтоб ты не забыл, как надо ответить, вот тебе сотня баксов." Или даже тысяча - для Майлза это все равно не деньги. Отключение телефона, продажа и снос дома с началом строительства на этом участке, чтобы там и следов не осталось - аналогично. После чего сам Майлз-Мур, естественно, исчезает, чтобы всплыть в совсем другом месте под совсем другим именем... Конечно, от официального расследования эти меры бы не защитили. Но у полиции нет оснований разыскивать Хектора Мура.

- И откуда у него, по-вашему, деньги на все это, если все осталось в Нью-Йорке? Или ваше переселение душ предполагает еще и телепортацию чемоданов с наличкой?

- Нет, зачем же? Мы же не в средневековье. Кое-что, конечно, можно было послать перед ритуалом обычной почтой на адрес Мура, но только совершенную мелочь, чтобы не привлекать внимание. Но в современном мире финансовые операции можно осуществлять откуда угодно, если знать соответствующие коды и пароли. То, что осталось Муру в качестве временного утешительного приза - это, по сути, гроши. Недаром полиция основную часть денег так и не

нашла. Вы - и следствие - правы в том смысле, что вывел эти деньги, конечно же, сам Майлз, находившийся полностью в здравом уме. И проделал он это в то самое время, когда несчастный недоумок, оказавшийся в его теле, подписывал подсовываемые ему бумажки, не понимая, что делает.

- Это требовало времени.

- Ну и что? Находясь в чужом теле, Майлз чувствовал себя в полной безопасности.

Отдуться за все пришлось бы его прежней оболочке - как оно, собственно, и вышло.

- Но если бы Мур, оказавшийся, по-вашему, в теле Майлза, не ждал два месяца, а сразу поднял тревогу?

- И что? Пришел бы в полицию с заявлением "у меня украли тело"?

- Во всяком случае, он мог быть сразу отстранен от управления банком в связи с психиатрическим диагнозом. Что помешало бы операции Майлза.

- Полагаю, Майлз прекрасно просчитал, что поначалу Мур будет счастлив до небес, оказавшись в теле миллиардера, и будет стараться играть роль достаточно долго, чтобы сам Майлз успел обделать все делишки и обрубить концы.

- Ну, допустим, Муру хотелось быть Майлзом. А почему Майлзу захотелось быть Муром? Почему для своего, как вы говорите, бегства он выбрал никчемного плюгавого пьяницу за сорок, а не двадцатилетнего капитана футбольной команды?

- Вероятно, потому, что у него нет желания играть в футбол, - улыбнулся я. - А также потому, что у капитана есть родители, куча других родичей, друзья и подружка, которым не заткнешь рот штукой баксов. Да и серьезному бизнесмену не годится выглядеть совсем уж мальчишкой. А главное - не забывайте, что трюк, сработавший один раз, может сработать снова. Думаю, что тело Мура - это только временное пристанище. В следующий раз Майлз переселится в кого-нибудь более подходящего. Возможно, и в какого-нибудь бизнесмена. Он не мог сделать это сразу, поскольку ему было нужно, чтобы в теле Майлза оставался ничего не понимающий придурок. Ну и, возможно, он не был уверен, сработает ли ритуал...

- И что будет, когда в теле Мура окажется не придурок, а все - или хотя бы что-то - понимающий бизнесмен?

- Ничего, - я снова улыбнулся. - Он уже никому ничего не сможет рассказать. Если Майлз так умен, как я думаю, он проведет второй ритуал из такого места, откуда невозможно выбраться живым. Выбраться обычным способом, я имею в виду. Ну а если много лет спустя при сносе нежилого дома обнаружат замурованный скелет неизвестного - что ж с того. Экспертиза покажет, что оснований возбуждать дело об убийстве нет. Хотя полицейские, наверное, удивятся, узнав, что покойный замуровал себя сам. Возможно, какой-нибудь ваш коллега даже напишет статью о необычных способах самоубийства.

- М-да, - взгляд доктора скользнул мимо меня, и я невольно проследил направление этого взгляда. Улица была пуста из конца в конец, все гости уже разъехались. Мы были одни в едва разгоняемой фонарями полутьме. - Вам бы фантастические рассказы писать.

- Это оплачивается хуже, чем антикварный бизнес, - заметил я. - Доктор, не смотрите на меня так, словно хотите предложить мне свои услуги. Как я уже сказал, все это не более чем теоретическая гимнастика ума.

- Да нет, в общем-то, вера в сверхъестественное не считается психическим отклонением... даже если бы вы и в самом деле верили, что все так и было.

- Я рад. Всегда приятно получить подтверждение своей нормальности из уст такого профессионала.

- Ладно, если вы не возражаете, я все же поеду. Доброй ночи.

- Доброй ночи, доктор.

Он сел в свой "линкольн", завелся и уехал. Я проводил его взглядом до перекрестка, где он свернул, а затем пошел к своей машине.

Честно говоря, сам не знаю, зачем я все это ему рассказал. Из духа противоречия, описанного еще Эдгаром По? Из желания убедиться, что с его стороны уж точно нет никакой угрозы? Хотя ее нет в любом случае, сейчас ведь действительно не средние века. Скорее дело в том, что ему все-таки удалось меня разозлить. Он, видите ли, не восхищается! Надутый сноб, принимающий собственную ограниченность за всезнание. Говорит о том, что ему преподали урок, а сам так его и не усвоил.

Вот так же в свое время меня взбесил этот антиквар. Да нет, даже не так же, еще сильнее! С каким великолепным презрением он восклицал: "Мне, разумеется, нравятся деньги, которые я получаю от вас за эти вещи, и будь вы обычным коллекционером, как другие мои клиенты, я бы относился к подобному хобби с полным пониманием. Но я не могу поверить, что такой серьезный, солидный человек, сделавший состояние на финансовом рынке, где требуется очень рациональное мышление, может всерьез верить в этакую чушь!" Если бы не эта его самоуверенная спесь, я бы, возможно, выбрал кого-то другого. Ну или - все же он, довольно молодой еще одинокий холостяк, подходил лучше многих - я бы, по крайней мере, оставил бы ему пистолет с одним патроном в той замурованной комнате.

2014